

CASE OF ANTOVIĆ AND MIRKOVIĆ v. MONTENEGRO

App. No(s). 70838/13

Judgment Date: 28/11/2017

Antović and Mirković против Черногории

Справка по делу

Обстоятельства дела. Заявители Antović и Mirković работают преподавателями в Институте математики Университета Черногории. Декан установил в лекционных аудиториях камеры видеонаблюдения, которые записывали видео без звука. Информация была доступна только декану и хранилась определенное время. Заявители обратились в Агентство по защите персональных данных, которое признало, что видеонаблюдение соответствует Закону о защите персональных данных. Заявители оспорили данное решение, после чего Агентство предписало Институту математики убрать камеры, институт выполнил предписание. После этого заявители обратились в национальный суд с иском о компенсации морального вреда за нарушения права на частную жизнь. Суды первой и апелляционной инстанции отказали в удовлетворении иска. Заявители обратились в ЕСПЧ с жалобой на нарушение ст. 8.1 Конвенции.

Приемлемость жалобы и исчерпание национальных правовых средств защиты. Суд указал, что понятие «частная жизнь» по смыслу ст. 8 Конвенции включает в себя, в т.ч. «частную социальную жизнь», т.е. возможность развивать собственную социальную идентичность и выстраивать отношения с другими людьми. Для многих такая возможность в большей степени существует именно в рамках рабочих отношений. Не всегда можно отделить частную жизнь от рабочих и бизнес-отношений, поэтому взаимодействие с людьми в публичном контексте тоже может подпадать под понятие «частной жизни». Чтобы понять, применимо ли понятие частной жизни в конкретной ситуации, Суд изучает, имели ли лица обоснованные ожидания, что их непубличность будет защищена. В данном деле речь идет о лекционных аудиториях, где преподаватели не только учат студентов, но и общаются с ними, развивая взаимные отношения и собственную социальную идентичность. Суд приходит к выводу, что ситуация может подпадать под определение частной жизни и жалоба отвечает критерию приемлемости (§§ 41-44).

Ответ на вопрос о том, были ли исчерпаны национальные средства защиты, обычно определяется в зависимости от даты подачи жалобы в Европейский суд. Если на дату подачи жалобы, как это было в настоящем деле, какие-либо внутренние правовые средства не считались эффективными, не важно, являются ли они эффективными на момент рассмотрения дела (§47).

Существо жалобы

Доводы заявителей. Заявители полагали, что видеонаблюдение не соответствовало закону, не имело законной цели и не было необходимым в демократическом обществе. Декан имел

ничем не ограниченный доступ к сбору и обработке получаемых данных, при этом заявители не имели возможности осуществлять эффективный контроль над указанными данными (§49).

Доводы государства-ответчика.

1. Наблюдение, которое ведется в публичном месте или с помощью фотографического оборудования, не может расцениваться как вмешательство в частную жизнь, если информация не раскрывается третьим лицам или не придается огласке.

2. Видеонаблюдение соответствовало закону, имело законную цель и было необходимым в демократическом обществе.

3. Преследуемую цель нельзя было достичь более мягкими методами. Цель – предотвращение и расследование инцидентов, связанных с безопасностью: кражи, ограбления; пронос огнестрельного оружия или животных, попрошайничество, угрозы физическим насилием со стороны студентов.

4. Преподаватели были должным образом информированы, доступ к информации имел только декан, данные использовались только в заявленных законных целях.

5. Государства имеют широкие пределы усмотрения по вопросам, касающимся видеонаблюдения, и суд не вправе оценивать правильность толкования и применения национального права национальными судами (§§ 50-54).

Оценка Суда. Скрытое или открытое видеонаблюдение за работником на его рабочем месте должно рассматриваться как значительное вмешательство в его частную жизнь по смыслу ст. 8 Конвенции. Такое вмешательство должно:

а) быть предусмотрено законом; б) преследовать законную цель; в) быть необходимым в демократическом обществе для достижения данной цели (§ 55).

Национальные суды не исследовали, соответствует ли вмешательство закону, т.к. они не рассматривали видеонаблюдение как, в первую очередь, вмешательство в частную жизнь заявителей. В то же время, Агентство по защите персональных данных признало, что видеонаблюдение не соответствовало закону (§ 56-57). Закон о защите персональных данных предусматривает, что оборудование для видеонаблюдения может быть установлено в служебных помещениях, но при условии, что цели видеонаблюдения, а именно: а) обеспечение безопасности людей или имущества; б) защита секретной информации, не могут быть достигнуты другим путем. В данном случае целями были обеспечение безопасности людей и имущества и наблюдение за процессом преподавания. Последняя цель не была предусмотрена законом. Относительно первой цели Агентство пришло к выводу, что отсутствуют доказательства того, что существует угроза людям или собственности (§ 59).

Принимая во внимание, что национальное законодательство предусматривает определенные условия для установки видеонаблюдения, которые в данном случае не были соблюдены, Суд приходит к выводу, что вмешательство в частную жизнь не соответствовало закону. Этого факта достаточно для того, чтобы установить нарушение ст. 8 Конвенции, не исследуя другие требования ст. 8.

Ущерб. Заявители просили присудить каждому по 1000 евро в качестве компенсации морального вреда. Суд присудил каждому из заявителей по 1000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Совместное особое мнение судей Vučinić and Lemmens

Судьи согласились с выводами суда, но предложили несколько другое обоснование.

По мнению данных судей, большинство рассматривает университетские аудитории как рабочее место преподавателей и рассматривают дело с позиций вмешательства работодателя в частную жизнь работника. В то же время, большое значение имеет, какая именно деятельность оказалась предметом наблюдения (§ 2).

Одной из заявленных целей видеонаблюдения было наблюдение за преподавательской деятельностью. Это подтверждается тем фактом, что именно декан имел доступ к записям (§ 4).

«Университетские аудитории нельзя считать ни частным, ни публичным пространством. Это места, где преподаватели встречаются со своими студентами и взаимодействуют с ними... Нам представляется, что в таком взаимодействии преподаватель может иметь ожидания относительно неприкосновенности частной жизни в том смысле, что он или она обычно может ожидать, что за тем, что происходит в классе, могут наблюдать только те, кто имеет право посещать занятия и кто в действительности на нем присутствует... Нам представляется, что, по крайней мере, в университетской среде, где процесс преподавания и процесс обучения защищены академическими свободами, названные ожидания неприкосновенности частной жизни можно считать разумными. Наблюдение как мера контроля со стороны декана, это, по нашему мнению, не то, чего должен ожидать преподаватель» (§ 4).

Судьи подчеркивают, что видеонаблюдение в аудиториях возможно, но только в том случае, когда это соответствует закону, преследует законную цель и является необходимым в демократическом обществе.

Совместное особое мнение судей Spano, Bianku and Kjølbro

Судьи полагают, что жалоба не отвечает критерию приемлемости и нельзя говорить о наличии нарушения ст. 8 Конвенции.

По их мнению, решение расширяет сферу применения статьи 8.1 Конвенции, что может иметь значительные последствия (§ 2).

В своей практике Суд отмечал, что понятие «частная жизнь» не применимо к местам, свободным для публичного доступа, которые используются для деятельности, не относящейся к частной сфере жизни участников. Само по себе использование видеонаблюдения в публичных местах, включая рабочие места, не поднимает вопроса о нарушении ст.8 Конвенции. Будет ли это являться нарушением по смыслу ст. 8, зависит от конкретных обстоятельств, в т.ч. от того, где велось видеонаблюдение, какая деятельность выступала предметом наблюдения, было ли наблюдение систематическим или прицельным, имели ли лица обоснованные ожидания неприкосновенности, сообщалось ли им о видеонаблюдении, имели ли данные лица обоснованные ожидания неприкосновенности, продиктованные самой сутью деятельности, вне зависимости от того, сообщалось ли им о наблюдении, хранились ли, распространялись ли и каким образом использовались данные (§§ 4, 8).

Судьи подчеркивают, что запись и систематическое или перманентное хранение данных, полученных с помощью видеонаблюдения, может в некоторых случаях составлять вмешательство в частную жизнь (§ 4). Но при оценке применимости понятия «частная жизнь» большинство сосредоточилось непосредственно на самом факте видеонаблюдения, а не на записи и использовании полученных данных.

Судьи разделяют аргументы ответчика о том, что видеонаблюдение велось в университетских аудиториях, которые являются рабочим местом преподавателей, они были уведомлены о наблюдении, предметом наблюдения была их профессиональная деятельность, причем наблюдение велось без звука, т.е. не затрагивало процесса преподавания и т.д., следовательно, к ситуации не применимо понятие частной жизни. Судьи считают, что в этом свете большинство дало слишком широкое толкование понятию «частной жизни», не приведя убедительных аргументов (§§ 9-11).

«Мы подчеркиваем, что заявители являются преподавателями университета, которые читают лекции в университетских аудиториях и таким образом вовлечены в профессиональную деятельность в квазипубличной обстановке, а не, например, в собственном кабинете... Большинство излишне расширило понятие «частная жизнь» по смыслу [ст. 8 Конвенции] до такой степени, которая не находит основания в прецедентной практике Суда и не достаточно подтверждена убедительными правовыми доводами» (§ 12).